

После более чем месяца суеты, на закате дня, Цзян И в заднем дворе своего медицинского учреждения тщательно переворачивал на просушку свежую партию шлемника и корня вайды. Золотые лучи заходящего солнца падали на лекарственные травы, наполняя воздух приятным ароматом растений. Сюй Шу буквально ворвался во двор, его лицо сияло, а в движениях чувствовалось нескрываемое волнение:

— Брат Цзян! Великие новости! Просто невероятные новости! Чжан Цзяо... он действительно мертв! В Гуанцзуне! Императорские войска под командованием левого полковника Хуанфу Суна, воспользовавшись его болезнью и паникой в рядах мятежников, перешли в решительное наступление! Главные силы Желтых повязок под стенами Гуанцзуна наголову разбиты! Десятки тысяч голов сложены в трофеи! Предводители мятежников Чжан Лян и Чжан Бао также казнены! Восстание Желтых повязок подавлено!

Хотя эта новость и была ожидаемой для Цзян И, но от слов о десятках тысяч отрубленных голов и реке, окрасившейся в красный цвет, на душе стало тяжело. Инерция истории была столь велика и жестока, что он, крошечная бабочка, был еще не в силах взмахом крыльев поднять бурю, способную изменить исход сражения такого масштаба. Он лишь молча кивнул и спросил:

— А что же правительство... как они планируют наводить порядок?

Воодушевление на лице Сюй Шу померкло, сменившись тяжелым вздохом:

— А что тут еще сделаешь? Главарь повержен, а с остальными... конечно, расправятся без жалости, чтобы другим неповадно было. Говорят, за стенами Гуанцзуна горы трупов, кровь окрасила воды реки Чжанхэ в красный цвет... Двор уже издал указ, повелевающий во всех областях и уездах продолжать зачистку остатков мятежников, непременно вырывая сорняки с корнем. В смутные времена законы суровы, а человеческая жизнь дешевле травы.

Цзян И смотрел на кроваво-красный закат, долго храня молчание. Насколько же ничтожны силы одного человека перед лицом бушующего потока эпохи. Все, что он мог сделать — это попытаться подхватить те немногие листья, что падали, подхваченные этим потоком.

— Кстати, — Сюй Шу что-то вспомнил и понизил голос, добавив нотку серьезности, — есть еще одно дело. Цзя Вэньхэ... он покидает Инчуань. Сегодня вечером он устраивает скромное застолье в уединенном дворике в переулке Старой вяза. Пригласил нас с тобой, а также брата Си Чжицая, чтобы... попрощаться.

— Цзя Сюй уезжает? — сердце Цзян И сжалось. Этот скрытный мудрец наконец решил действовать! Он остро отреагировал на ключевое слово Лянчжоу — родину Цзя Сюя и плацдарм, с которого начал свой путь Дун Чжоу. Возвращается ли он домой просто чтобы навестить престарелую мать, или же прокладывает путь для грядущего прихода западных военачальников в столицу? Шестеренки истории снова сцепились в решающем звене.

Когда опустились сумерки, они собрались в глубине дворика в переулке Старой вяза. Старая

софора в центре двора раскинула свою крону, словно зонт, а на каменном столе уже стояли простые, но изысканные закуски и кувшин мутного вина. Цзя Сюй, как обычно, был в выцветшем полотняном халате, его лицо оставалось бесстрастным, а в лунном свете он казался еще более худощавым. Си Чжицай, закутавшись в плотную одежду, сидел рядом, время от времени тихо покашливая.

Четверо сидели в кругу, не тратя времени на пустые любезности. Вино было обычным деревенским, закуски — простыми дарами сезона, но темы бесед варьировались от судеб мира и политической обстановки после падения Желтых повязок до красот Инчуаня и даже поэзии. В этот вечер Цзя Сюй словно сбросил с себя обычную маску скрытности, говорил больше обычного, и в его словах изредка проскальзывала ностальгия по пескам Лянчжоу и забота о матери.

После третьей чаши луна поднялась выше. Цзя Сюй вдруг поставил кубок и, глядя прямо на Цзян И глазами, которые, казалось, видели насквозь, задал ошеломляющий вопрос:

— Брат Цзян, как вы полагаете, в нынешнем мире, где повсюду поднимаются герои и бурлят скрытые течения, кто... достоин называться героем?

Началось! В голове Цзян И зазвенели тревожные звонки. Это проверка, экзамен или Цзя Сюй ищет направление для себя? Он мгновенно собрался, но внешне остался невозмутим и осторожно ответил:

— Брат Вэньхэ, сложный вопрос вы задали. Когда герои еще не проявили себя, они подобны спящим драконам в пучине — трудно разглядеть их истинный облик, как же можно судить опрометчиво? Впрочем... — он намеренно сделал паузу, подогревая интерес.

— Впрочем, что? — поторопил Цзя Сюй, и в его глазах вспыхнул острый блеск. Сюй Шу и Си Чжицай тоже замерли, глядя на Цзян И.

Цзян И, тщательно подбирая слова, медленно произнес:

— Впрочем, глядя в прошлое, чтобы понять настоящее, я считаю, что в необычные времена должны появляться необычные люди. Так называемые герои в мирное время — это способные чиновники, устанавливающие порядок и мир в государстве. А в смутные времена... они чаще становятся коварными героями, которые используют момент и возвышаются на волне перемен. Это времена создают героев.

Он ловко уклонился от упоминания конкретных имен.

Цзя Сюй слегка изогнул губы в загадочной усмешке:

— Ваши слова, брат Цзян, весьма глубоки. Но скажите, какими качествами должен обладать

этот необычный человек, чтобы совершить необычные дела? Что позволит ему выделиться среди множества героев?

Мысли Цзян И пронеслись со скоростью молнии, и он решил воспользоваться классической характеристикой Цао Цао, не называя, однако, его имени:

— По моему скромному мнению, такой человек должен обладать духом, способным поглотить небо и землю, и разумом, вмещающим в себя всю вселенную! Ему нужно сердце, охватывающее все четыре моря, и амбиции, способные проглотить восемь сторон света! Его устремления должны быть высоки, в душе — мудрые планы, он должен уметь терпеть то, что не под силу другим, и совершать то, на что другие не решаются! Он должен уметь распознавать таланты и использовать их, не сковывая себя условностями; уметь оценивать обстановку и действовать решительно, не зная колебаний. Только такой человек сможет стать опорой в бушующем потоке смутного времени и, возможно... повернуть вспять ход истории!

Его голос был негромким, но каждое слово отчетливо раздавалось в тишине дворика.

Цзя Сюй молча слушал, машинально потирая край грубого кубка. Его взгляд, глубокий, словно колодец, казалось, пережевывал каждое слово Цзян И. Спустя долгое время он вдруг поднял кубок, впервые посмотрев на Цзян И с выражением почти торжественным:

— Хорошо сказано! Духом поглотить небо и землю, разумом вместить вселенную! Ваши рассуждения, брат Цзян, заставляют глубоко задуматься! Вэньхэ предлагает вам чашу! Если когда-нибудь небо и земля изменятся, и настанет время великих перемен, надеюсь, у нас еще будет случай вот так же посидеть и поговорить!

Четверо выпили вместе. Вино слегка опьяняло, луна стояла в зените.

Перед уходом Цзя Сюй проводил Цзян И до ворот. Тень старой софоры укрывала их обоих. Цзя Сюй остановился, повернулся к Цзян И, и в лунном свете его лицо выглядело суровым.

— Брат Цзян, — голос Цзя Сюя был низким и четким, — вы не тот, кто останется в пруду. Хотя я не так много людей повидал, но кое-что понимаю. Вашим амбициям и широте души не место в рамках должности уездного лекаря. Придет время великих потрясений, и у вас обязательно будет шанс проявить себя в полной мере.

Цзян И хотел было скромно возразить, но Цзя Сюй сменил тон, в котором прозвучала редкая серьезность и забота:

— Однако... высокое дерево первым ломается от ветра, выступающий из берега камень первым разбивается потоком, а тот, кто возвышается над другими, вызывает зависть. Ваше имя в последнее время гремит по всему Инчуаню, ваша репутация чиновника растет, а ваше милосердие и мастерство воспеты народом. Это, безусловно, добрый плод, но... слишком яркий свет всегда отбрасывает тень. Ваше положение еще не прочно, а ваше происхождение из

Ичжоу для некоторых является признаком чужака. Воды Инчуаня глубоки, здесь правят влиятельные кланы, не стоит... недооценивать коварство людских сердец и зависть ничтожных людей. Нужно всегда быть осмотрительным, ступать как по тонкому льду и предотвращать беду до ее начала.

Эти слова, словно ледяная вода, вылитая на голову, мгновенно отрезвили Цзян И, только что охваченного героическим пафосом. Холод пробежал по спине. Цзя Сюй не из тех, кто привык запугивать, и если он предупреждает так серьезно, значит, что-то заметил!

— Благодарю за золотые слова, брат Вэньхэ! Цзян И... запомнит их навсегда! — он с глубоким уважением поклонился Цзя Сюю. Это прощальное наставление ядовитого стратега было тяжелым, но необходимым предостережением.

По пути в Зал Благодеяния Сюй Шу рассуждал о непостижимости Цзя Сюя и грустил о его внезапном отъезде. А Цзян И, глядя в глубокое ночное небо Инчуаня, вновь и вновь прокручивал в голове предупреждение Цзя Сюя. Он знал: спокойные дни, возможно, подходят к концу. Назначение от резиденции губернатора было лишь началом, суета в Зале Благодеяния — лишь процессом, а настоящие испытания, которые покажут, сможет ли он устоять в этой смуте и защитить тех, кто ему дорог, уже тихо назревали. Огни лечебницы мерцали впереди — теплые, но такие хрупкие, словно слабый свет, который он пытался поддерживать в эту эпоху, готовую вот-вот рухнуть.

<http://bllate.org/book/18471/1771463>